

Черникова Д. А.

Институт экономики и управления НИУ «БелГУ»,
Студентка 4 курса (Белгород, Россия)

Таможенное дело

Научный руководитель - **Боев Д. В.**, старший преподаватель
кафедры уголовного права и процесса Юридического института НИУ
«БелГУ», к.ю.н.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: СТАДИИ, КВАЛИФИКАЦИЯ И ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АКСПЕКТЫ

***Аннотация:** В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты неоконченного преступления: понятие и юридическая природа стадий преступной деятельности, критерии разграничения приготовления и покушения, особенности квалификации незавершённых деяний, а также правовой режим добровольного отказа. Анализируются позиции доктрины и судебная практика применения ст. 29-31 УК РФ. Автор приходит к выводу о наличии ряда коллизий в механизме квалификации неоконченных преступлений.*

***Ключевые слова:** неоконченное преступление, приготовление, покушение, добровольный отказ, стадии преступления, квалификация.*

Chernikova D. A.

Institute of Economics and Management, Belgorod State University,
4th year student (Belgorod, Russia)

Customs

Scientific adviser - **Boev D.V.**, Senior Lecturer of the Department of
Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the National Research
University "Belgorod State University", Ph.D. in Law.

UNCONCLUDED CRIME: STAGES, QUALIFICATION AND VOLUNTARY REJECTION – CRIMINAL LAW ASPECTS

***Abstract:** The article examines the criminal law aspects of an unfinished crime: the concept and legal nature of the stages of criminal activity, the criteria for distinguishing between preparation and attempt, the features of the qualification of incomplete acts, and the legal regime of voluntary abandonment. The article analyzes the positions of the doctrine and the judicial practice of applying Articles 29-31 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author concludes that there are several conflicts in the mechanism of qualifying unfinished crimes.*

***Keywords:** unfinished crime, preparation, attempt, voluntary abandonment, stages of crime, qualification.*

Проблема неоконченного преступления занимает устойчивое место в теории уголовного права, однако практика её применения до сих пор порождает разногласия – как в квалификации конкретных деяний, так и в обосновании самого института. Статья 29 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] закрепляет, что преступление признаётся оконченным, если в совершённом лице деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части. Из этого следует, что всякое иное состояние, а именно приготовление или покушение, требует самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Значимость темы определяется несколькими факторами. Во-первых, правильное установление стадии преступной деятельности прямо влияет на избираемое наказание, поскольку согласно ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. Во-вторых, в ряде случаев

признание добровольного отказа полностью освобождает лицо от уголовной ответственности, что существенно отличает его от деятельного раскаяния как смягчающего обстоятельства. В-третьих, судебная практика демонстрирует устойчивую неоднородность: суды нередко смешивают приготовление с покушением либо неверно оценивают направленность умысла, что влечёт ошибочную квалификацию.

Стадии преступления представляют собой качественно различные этапы реализации преступного умысла. В отечественной уголовно-правовой науке традиционно выделяются три стадии: формирование умысла, приготовление и исполнение. Часть 1 ст. 30 УК РФ определяет приготовление к преступлению как приискание, изготовление или приспособление средств, или орудий, приискание соучастников, сговор на совершение преступления, иное умышленное создание условий, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от данного лица обстоятельствам. Перечень форм является примерным: законодатель использует открытую конструкцию («иное умышленное создание условий»), что расширяет дискреционные полномочия суда, однако порождает определённую правовую неопределённость. В доктрине уголовного права существует дискуссия о том, насколько корректно включать в понятие приготовления сговор на совершение преступления. Так, некоторые исследователи полагают, что сговор – это соучастие на стадии приготовления, а не самостоятельный вид подготовительных действий, что влечёт ошибки при квалификации действий лиц, договорившихся о преступлении, но не приступивших ни к каким иным подготовительным мерам.

Покушение на преступление определяется в ч. 3 ст. 30 УК РФ как умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом оно не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Ключевой

разграничительный критерий между приготовлением и покушением – непосредственность направленности на совершение преступления. Именно этот признак вызывает наибольшие затруднения в практике: момент перехода от создания условий к исполнению деяния нередко неочевиден.

Теория уголовного права выработала несколько концепций разграничения: субъективная (ориентируется на направленность умысла), объективная (акцент на начале исполнения объективной стороны) и смешанная. Действующий УК РФ тяготеет к объективной концепции, однако формулировка «непосредственно направленные» вносит в неё субъективный элемент – направленность умысла. Пленум Верховного Суда РФ в ряде постановлений уточняет эту границу применительно к отдельным составам, что свидетельствует о невозможности выработки универсального критерия без учёта особенностей конкретного преступления [2].

Что касается видов покушения, доктрина выделяет оконченное и неоконченное, а также негодное покушение (на негодный объект или с негодными средствами). Последнее по общему правилу влечёт уголовную ответственность, поскольку свидетельствует о наличии умысла и общественной опасности лица. Вопрос об ответственности за негодное покушение не урегулирован в тексте УК РФ напрямую, что нередко указывается исследователями как законодательный пробел.

Квалификация неоконченного преступления осуществляется по правилам, закреплённым в ст. 29-30 УК РФ в совокупности со статьёй Особенной части, предусматривающей ответственность за соответствующее оконченное деяние. Таким образом, уголовно-правовая оценка предполагает обязательную ссылку на норму Общей части – ч. 1 или ч. 3 ст. 30 УК РФ, в сочетании с конкретной статьёй Особенной части.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [3]

содержит важное разъяснение: если убийство не было доведено до конца вследствие обстоятельств, не зависящих от виновного, содеянное квалифицируется как покушение на убийство. При этом суд обязан установить, что умысел виновного был направлен именно на лишение жизни, а не на причинение вреда здоровью. Данный подход подчёркивает значимость субъективной стороны при квалификации неоконченных деяний против личности.

Одна из системных проблем квалификации связана с преступлениями, совершаемыми группой лиц. Когда один из соучастников добровольно прекращает участие в деянии, вопрос о квалификации его действий как покушения или приготовления требует оценки того, на какой стадии находилась группа в целом. Поскольку исполнитель может уже начать выполнение объективной стороны, а организатор или пособник – нет, возможна ситуация, когда применительно к разным соучастникам стадия будет определяться по-разному. Такой подход прямо вытекает из принципа индивидуализации ответственности, однако практика нередко его игнорирует, квалифицируя действия всех соучастников по одной стадии.

Существенное значение имеет и вопрос об ответственности за приготовление. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Следовательно, приготовительные действия к преступлениям небольшой и средней тяжести ненаказуемы, что следует расценивать как осознанное решение законодателя, направленное на ограничение уголовной репрессии. Вместе с тем именно это ограничение порождает практические вопросы: если лицо совершает многочисленные приготовительные действия к преступлению средней тяжести и добровольно отказывается – уголовная ответственность исключена; однако если отказа не последовало и деяние было пресечено, она также исключена

ввиду той же нормы. Последовательность такого регулирования не вызывает сомнений, но правоприменители порой воспринимают её как пробел.

В части наказания ст. 66 УК РФ устанавливает: за приготовление назначается не более половины максимального наказания, за покушение – не более трёх четвертей. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы за неоконченное преступление не назначаются. Данные правила носят обязательный характер, однако суды не всегда их соблюдают, что подтверждается обзорами судебной практики, публикуемыми Верховным Судом РФ.

Отдельную сложность представляет квалификация в формальных составах. Если преступление считается оконченным с момента совершения действия (бездействия) независимо от наступления последствий, то фактически любое частичное совершение такого действия есть покушение. Таким образом, в формальных составах, где деяние дискретно, покушение возможно; в «одноактных» формальных составах, где деяние неделимо, покушение фактически исключается. Этот вопрос остаётся предметом теоретической дискуссии [4].

Добровольный отказ от преступления урегулирован ст. 31 УК РФ и представляет собой самостоятельное основание не привлечения лица к уголовной ответственности. Основная его идея состоит в стимулировании прекращения преступной деятельности путём предоставления лицу возможности выхода из уже начатого преступления без уголовного наказания.

Закон формулирует три необходимых условия добровольного отказа: добровольность – лицо прекращает преступление по собственному решению, а не вследствие внешних препятствий; окончательность – т.е. отказ должен быть полным и бесповоротным, а не временным; осознание лицом возможности доведения преступления до конца. Именно третье

условие является наиболее дискуссионным: требуется, чтобы лицо субъективно считало продолжение возможным. Если же объективные обстоятельства исключали завершение деяния, а лицо субъективно этого не осознавало, доктрина в целом склонна всё же признавать наличие добровольного отказа.

А.В. Наумов указывал, что добровольность предполагает не обязательно «искреннее» раскаяние, а лишь свободу воли при принятии решения об отказе [5]. Это разграничение принципиально: мотивы отказа (страх наказания, жалость к жертве, расчёт) юридического значения не имеют. Важно лишь, что решение принято самим лицом, а не навязано внешними непреодолимыми обстоятельствами.

Правовые последствия добровольного отказа различаются в зависимости от роли соучастника. Для исполнителя достаточно прекращения действий. Организатор и подстрекатель обязаны предпринять активные меры для предотвращения доведения преступления до конца; одного лишь выхода из сговора недостаточно. Для пособника достаточно устранить заранее оказанное содействие; если же устранить содействие уже невозможно, то необходимо уведомить органы власти или иным образом активно воспрепятствовать совершению преступления (ч. 4 ст. 31 УК РФ).

Принципиально важно разграничивать добровольный отказ и деятельное раскаяние. Если добровольный отказ возможен лишь до момента окончания преступления и полностью исключает ответственность за него (хотя ответственность за уже совершённые иные деяния сохраняется), то деятельное раскаяние по ст. 75 УК РФ возможно и после окончания преступления и влечёт лишь смягчение ответственности или, при наличии специальных оснований, освобождение от неё. Смещение этих институтов в судебной практике встречается, хотя и нечасто.

Многие исследователи юристы обращали внимание на практическую проблему, возникающую при добровольном отказе в составных преступлениях: если преступление включает несколько последовательных действий, каждое из которых само по себе образует состав иного преступления, то добровольный отказ от последующего этапа не устраняет ответственность за уже совершённые предшествующие деяния [6]. Данное правило прямо закреплено в ч. 3 ст. 31 УК РФ, однако его применение требует чёткого установления, какие именно действия охватывались умыслом на «главное» преступление, а какие могут квалифицироваться самостоятельно.

Анализ судебной практики и законодательного регулирования позволяет выявить несколько устойчивых проблем, не нашедших системного решения.

Первая проблема заключается в квалификации прерванного покушения при ошибке субъекта в объекте или предмете. Если лицо полагало, что причиняет вред одному объекту, тогда как реально под угрозой находился другой, вопрос о стадии и квалификации решается неодинаково в разных регионах страны. Верховный Суд РФ неоднократно отменял приговоры нижестоящих судов, допуская в подобных ситуациях квалификационные ошибки, однако системного разъяснения по данному вопросу до сих пор нет.

Вторая проблема касается разграничения покушения и оконченного преступления в преступлениях с усечённым составом. В ряде составов Особенной части УК РФ законодатель выносит за рамки состава фактически наступившие последствия, перенося момент окончания на более раннюю стадию. В результате то, что фактически является покушением по механизму совершения, юридически признаётся оконченным преступлением. Это, по существу, сужает возможности для

добровольного отказа [7], что следует расценивать как законодательную аномалию, требующую осмысления.

Третья проблема – соотношение добровольного отказа и условий крайней необходимости. На практике встречаются ситуации, когда лицо прекращает преступление под воздействием угрозы причинения вреда ему самому. Вопрос о том, является ли такой отказ добровольным, если угроза была реальной, остаётся дискуссионным. Большинство исследователей полагают, что наличие внешнего давления само по себе не исключает добровольность, если лицо сохраняло реальную возможность выбора [8].

Наконец, четвёртая проблема – цифровая среда. В условиях распространения информационно-телекоммуникационных технологий границы стадий преступной деятельности нередко размыты. Размещение вредоносного кода в сети, при котором его активация зависит от действий третьих лиц или автоматизированных систем, ставит вопрос: идёт ли речь о приготовлении или уже о покушении? Действующий УК РФ не содержит специальных норм, а ст. 273 УК РФ конструирует самостоятельный формальный состав, что лишь частично решает проблему применительно к вредоносным программам.

Институт неоконченного преступления в российском уголовном праве сформирован на достаточно последовательной теоретической основе. По итогам проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы. Разграничение приготовления и покушения в значительной мере определяется конкретным составом преступления, что делает невозможным выработку универсального критерия без обращения к Особенной части. Добровольный отказ является самостоятельным уголовно-правовым институтом, принципиально отличающимся от деятельного раскаяния по основаниям, условиям и правовым последствиям, и его смешение с последним представляет собой квалификационную ошибку. Применительно к соучастникам механизм

добровольного отказа дифференцирован и требует оценки роли каждого из них в отдельности. Наконец, цифровая среда создаёт новые вызовы для института неоконченного преступления, которые не нашли адекватного законодательного отражения.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г.) // КонсультантПлюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 3 марта 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
4. Милюков Сергей Федорович, Дронова Татьяна Николаевна Неоконченное преступление: определение понятия и его толкование // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. №1.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. – 4-е изд. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Руслан Михайлович Жиров Добровольный отказ от преступления: проблемы законодательного совершенствования // Закон и право. 2022. №5.
7. Решетников Александр Юрьевич Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. №8 (81).
8. Сергей Алексеевич Шатов Добровольный отказ соучастников преступления: специфика уголовно-правовой квалификации // Государственная служба и кадры. 2021. №5.